

УДК 94:39(470.6)''18''

ББК 63.3(235.7)5-7

Б 24

М.И. Баразбиев,

кандидат исторических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, тел.: +79280782427, e-mail: muslim1971@yandex.ru

Р.М. Бегеулов,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: +79187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

ХРИСТИАНЕ-НЕОФИТЫ В СОЦИАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX В.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с религиозной конверсией (переходом из ислама в христианство) отдельных групп, семей, персоналий в карачаево-балкарской среде в XIX в. Проанализированы причины случаев крещения, продемонстрированы численность, социальный статус новообращенных, их конфессиональная резистентность, отношение к ним со стороны доминирующей части социума. В работе также затронуты отдельные аспекты государственной политики Российской империи, направленные на инициирование и поддержку религиозно-конверсионных настроений в среде нехристианских этносообществ на Кавказе. Отмечается, что в рассматриваемый период религиозная конверсия элиты карачаево-балкарского социума поддерживалась царской администрацией и церковными иерархами. Делается вывод о том, что принятие христианства представителями карачаево-балкарского общества осуществлялось под влиянием активной миссионерской деятельности Русской православной церкви в регионе, а также посредством вступления карачаевцев и балкарцев в браки с представителями православной конфессии. Однако укрепление позиций ислама в этносоциальном пространстве региона в XIX в. минимизировало перспективы дальнейшей христианизации карачаево-балкарского социума.

Ключевые слова: Карачай, Балкария, миссионерская деятельность, религиозная конверсия, христианство, ислам, неофиты.

M.I. Barazbiev,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Organization of Work with Youth, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, ph.: +79280782427, e-mail: muslim1971@yandex.ru

R.M. Begeulov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, ph.: +79187150782, e-mail: r_begeul@mail.ru

NEOPHYTIC CHRISTIANS IN THE SOCIO-CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE KARACHAY-BALKARIAN SOCIETY IN THE 19TH CENTURY

Abstract. The article addresses issues related to religious conversion (transition from Islam to Christianity) of certain groups, families, personalities in the Karachay-Balkarian environment in the 19th century. The causes of cristionising are analyzed, and the number, social status of converts, their confessional resistance, and attitude towards them from the dominant part of society are demonstrated. The work also addresses certain aspects of the state policy of the Russian Empire aimed at initiating and supporting religious-conversion sentiments among non-Christian ethnic communities in the Caucasus. The publication shows that during the period under review, the religious conversion of the elite of the Karachay-Balkarian society was supported by the tsarist administration and church hierarchs. It is concluded that the adoption of Christianity by representatives of the Karachay-Balkarian society was carried out under the influence of the active missionary activities of the Russian Orthodox Church in the region, as well as through the entry of Karachays and Balkarians into marriages with representatives of the Orthodox denomination. However, strengthening the position of Islam in the ethnosocial space of the region in the 19th century minimized the prospects for the further Christianization of the Karachay-Balkarian society.

Keywords: Karachay, Balkaria, missionary activity, religious conversion, Christianity, Islam, neophytes.

К началу XIX в. основу религиозной идентичности населения Карачая и Балкарии составлял ислам. К тому же процессы шариатизации, охватившие регион в конце XVIII – начале XIX вв., привели к заметному усилению роли мусульманских норм права, этики, морали и т.д. во всех сферах жизнедеятельности карачаево-балкарского социума. Тем не менее, на территории Карачая и Балкарии находилось немало культовых объектов и памятников, созданных в эпоху средневековья, в период доминирования христианства, и продолжавших почитаться частью населения. Кроме того, в народной культуре продолжали бытовать реликты прежних верований (в том числе и христианских). Данные факты вызывали понятный интерес российских гражданских и военных властей на Кавказе, пытавшихся в период интеграции региона в состав империи проводить политику христианизации населения, особенно в районах с неустойчивой конфессиональной идентичностью. Как известно, на территории Осетии в этом направлении были достигнуты значимые результаты. Удачный, с точки зрения властей, процесс попытались расширить и распространить на соседние регионы, прежде всего

на Балкарию и Ингушетию, но уже без особого успеха. Результаты были мизерные. Тем не менее, попытки внедрения христианства в среду северокавказских горцев-мусульман, в том числе карачаевцев и балкарцев, со стороны российских властей и церковных иерархов с разной степенью интенсивности предпринимались на протяжении всего XIX в. В итоге такая государственная политика, сочетавшая в себе элементы пропаганды и явных преференций в области карьеры, материального положения и т.п. для христиан-неофитов, все же давала свои плоды. Небольшая часть карачаево-балкарцев в описываемый нами период по разным причинам стала принимать «святое крещение». Именно эта группа карачаево-балкарских неофитов, практически не изученная в исторической науке, выступает в качестве предмета нашего исследования.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, наиболее интенсивный период христианской пропаганды в Балкарии, санкционированной со стороны государства, приходится на начало 1820-х гг. В это время карачаево-балкарские общества фактически еще не контролировались российскими властями, хотя и официально считались

землями, присоединенными к Российской империи. Но эта пограничная ситуация позволила иерархам грузинской церкви, по примеру Осетии, где в 1814 г. возобновила свою деятельность Осетинская Духовная комиссия, активизировать свою деятельность и в Балкарии, пытаясь склонить часть населения к принятию «святого крещения». Митрополит Феофилакт в 1820 г. направил для проповеди к осетинам-дигорцам и балкарцам протоиерея Николая Самарганова (Самарганишвили), который якобы «в короткое время успел уже окрестить 230 душ» [1; 402]. Однако эти попытки встретили сопротивление со стороны балкарской и кабардинской исламизированной княжеской элиты и привели к конфликтам. В результате духовные лица стали просить вмешаться в ситуацию российских военных. Но генерал А.П. Ермолов вначале сетовал на недостаток войск и невозможность их постоянной дислокации в горах, так как «места жительства дигорцев и балкарцев отдалены как от Владикавказа, так и от Кавказской линии...» [1; 402], а затем, изучив ситуацию и столкнувшись с жалобами на принудительную христианизацию, вообще отказался от этой идеи. В своем письме к экзарху Грузии от 21 марта 1822 г. А.П. Ермолов отметил, что предпочитает «иметь и утопающих во мраке невежества лучше мирными подданными, нежели врагами...» и «что просвещение народов сих светом Евангелия надобно предоставить до времени особенной благодати Божией» [1; 425]. В сложившихся условиях, оставшись без силовой поддержки, христианские проповедники были вынуждены свернуть свою деятельность в Балкарии. Но, по-видимому, им удалось переселить часть крестившихся людей за её пределы, на территорию Грузии. В начале 1820-х гг. в «благочинии протоиерея Иосифа Елиосидзе» в ущелье Корнисском по округу реки Большая Лиахва числился Балкарский

приход, насчитывавший 76 домов и 546 душ обоого пола [1; 403].

В последующие годы контингент христианских неофитов в караево-балкарской среде пополнялся, главным образом, за счет представителей высших слоев населения (князя и чанка) и лично зависимых от них людей. Это было во многом связано с тем, что аристократические семьи находились на переднем крае разнопланового российско-горского взаимодействия, их отпрыски по самым разным причинам часто оказывались надолго оторванными от этнической родины, находились на российской военной и государственной службе и т.д. Кроме того, именно на крещение высших сословий по вполне понятным причинам делали основную ставку и имперские власти, и церковные иерархи.

Среди этой группы особо можно выделить аманатов, то есть детей-заложников, которых выдавала политическая элита караево-балкарских обществ российским властям в годы Кавказской войны. Они должны были выступать гарантами лояльности своих родителей и феодальных кланов российскому государству. Балкарские аманаты содержались в то время в Георгиевском укреплении и параллельно обучались в местном приходском училище [2; 128]. В одной из инструкций, прописывавших правила обращения с детьми горцев в данном учебном заведении, отмечалось, что особое внимание должно быть уделено на обращение их «...в христианскую веру мерами кротости и сколь можно неприметнее, как, например, обучение читать по библейской истории, чтение Нового завета и прочее...» [2; 128].

В итоге одним из новообращенных в период обучения в Георгиевском приходском училище стал таубий (князь) Али Махошевич Абаев, в православном крещении получивший имя Николай. Он оказался в аманатах еще в 1825 г., позднее поступил на военную службу и имел чин прапорщика [3; 49об].

Интересно, что, являясь христианином, Николай (Али) Абаев женился на девушке-мусульманке, отец которой был мусульманским священнослужителем (эфенди) в Чегемском обществе Балкарии [4; 4]. Подобный брак иноверцев противоречит нормам как христианской, так и мусульманской религий и не может быть заключен по религиозным канонам. Незаконным признавался брак христианина и мусульманки также российским законодательством. Например, в похожей ситуации в 1862 г. экзарх Грузии возбудил дело о незаконнорожденности детей осетинского князя генерал-майора А.М. Туганова, закончившееся тем, что его сыновья вынуждены были принять крещение [5; 234].

По-видимому, Николай Абаев знал о возможных нежелательных правовых последствиях для его семьи на почве конфессионального вопроса, поэтому пытался приобщить к православию свою жену, детей и даже часть зависимых от него людей и родственников. Этот процесс приобрел новый импульс после того, как получил одобрение от самого наместника на Кавказе, князя М.С. Воронцова. Еще в 1849 г., находясь под впечатлением от рассказов профессора Г. Аби́ха, посетившего Балкарию и рассказывавшего о расположенности местного населения к принятию христианства, М. Воронцов попросил экзарха обратить внимание на ситуацию в данном регионе. «Его Высокопреосвященство тотчас занялся приисканием священников, знающих по-татарски, которые бы могли быть отправлены к Балканским (т.е., балкарским – авт.) Осетинам, чтобы положить начало делу, могущему иметь самые благоприятные последствия» [6; 17]. Одним из таких священников стал «отец Захарий», который стал тесно общаться с семьей Николая Абаева, а также предпринимал поездки в Балкарию с целью пропаганды христианства, правда, скрывая свой духовный сан [6; 19, 33об]. Следствием

всех этих действий стало то, что в феврале 1850 г. директор канцелярии наместника Кавказа предписал приставу Балкарии Хоруеву: «...выслать в Нальчик Балкарского Старшину Николая Абаева со всем семейством его и крепостною девкою, изъявившими желание принять святое крещение, а равно и двух крепостных людей Абаева для отправления в г. Тифлис, в сопровождении находящегося при Вас урядника Марко Афанасьева, которого также не оставьте прислать в Нальчик, где он получит наставление о порядке сопровождения Абаева с семейством в Тифлис» [7; 180, 181]. В начале мая 1850 г. произошло крещение прибывших с Н. Абаевым людей, причем «восприемником от купели новокрещенных балкарцев» выступил сам М. Воронцов [6; 19]. «Светлейший князь также «обещал исполнить просьбу их о наделении свободными землями для переселения», а лично Н. Абаев получил «кроме подарка сукном, 100 рублей серебром», а двое из сопровождавших его лиц по «50 руб. и сукно на чохи» [6; 19, 19об]. В 1852 г. балкарский князь-неофит вновь прибыл в Тифлис, где процедура крещения также была проведена над приехавшими вместе с ним двумя женщинами [6; 33]. (Правда, дальнейшего развития эти тенденции так и не получили. Согласно семейному списку с. В. Кожоково за 1886 г., где проживали в этот период сыновья Николая Абаева – Сарыбий и Эдык, они считались мусульманами-суннитами [8; 2об, 3]).

Упомянувшийся выше урядник Марк Афанасьев, принимавший деятельное участие в крещении группы балкарцев в 1850-52 гг., также являлся выходцем из балкарской аристократии. Его отец Нашхо Мамышев в ходе Кавказской войны перешел на сторону непокорных горцев. Вследствие этого двое его малолетних сыновей были высланы с Кавказа и помещены в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов. На новом месте жительства

один из них умер, а другой – Исмаил – в 1841 г. поступил на действительную службу в 1-й резервный кавалерийский корпус 8-го округа украинского военного поселения. После получения унтер-офицерского звания он принял православие, став Марком Афанасьевичем Афанасьевым. Через несколько лет ему разрешили вернуться на Кавказ, где он был причислен к казачьему сословию и служил офицером в российской армии [9; 192].

Прибыв на Кавказ, М. Афанасьев поселился не в горной Балкарии, а в Нальчике [10; 130об]. Он был дважды женат. Его первой супругой была балкарская княжна [11; 310]. Можно предположить, что после замужества она не приняла христианство, так как её сын Салых исповедовал ислам и носил фамилию Мамышев [12; 153]. Второй брак М. Афанасьев заключил уже с православной осетинкой Ариной (Ириной) Моисеевной Хоруевой, от которой у него детей не было [10; 28]. Из ближайших родственников М. Афанасьева в христианство перешел только проживавший вместе с ним его сводный, незаконнорожденный брат Умар [13; 11]. Последний находился на военной службе в горской милиции и 14-м Донском казачьем полку. Умар, приняв православие, стал именоваться Георгием (Егором), а позднее женился на дочери священника Марии Савельевой [14; 5об]. После смерти юнкера Георгия Мамышева его вдова и сын (тоже Георгий), родившийся в 1865 году, проживали в станице Горячеводской [15; 57, 70].

С институтом аманатства напрямую связано и крещение уроженца Чегемского общества Эдигея Джаубермезова. Он еще ребенком оказался в аманатах. Позднее, в 1813-1814 гг., его разрешили передать в распоряжение шотландской миссионерской колонии Каррас, располагавшейся недалеко от Пятигорска. Там Эдигей Джаубермезов принял крещение, правда, не по православному, а по протестантскому обряду,

получив новое имя – Эндрю Скайрвинг Хэй (Андрей Хай). В последующем он проживал не только в России, но и в Османской империи, в Великобритании, то есть вдали от малой родины. Умер он в 1844 г. в должности штатного переводчика при начальнике 2-го отделения Черноморской береговой линии, по видимому, в одном из прибрежных укреплений [16; 81; 17]. Известно, что близкий родственник Эндрю Хэя – Орусбий Джаубермезов – также воспитывался в колонии Каррас и был крещен по протестантскому обряду под именем Томас Дэвидсон. Впоследствии он в чине капитана также проходил службу на Черноморской береговой линии [17].

Еще одним уроженцем Чегемского общества, находившимся в аманатах и перешедшим в православие, являлся представитель князей Келеметовых – Исхак. Известно, что в 1847 году он содержался в крепости Нальчик, а впоследствии был направлен на службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полукэскадрон в Санкт-Петербург. После завершения службы в столице Российской империи его в чине корнета кавалерии направили на Кавказ и прикомандировали к 2-му Волгскому казачьему полку [18; 63, 64]. В 1861 г. корнет Келеметов подал на имя императора Александра II прошение, в котором сообщал: «...убедясь душевным сочувствием в течение службы моей Вашему Императорскому величеству в существе благочестивых действий Греко-Российской Православной веры и чтобы доказать истинное верование в православие и быть ревностно преданным и слугою Российскому престолу и Отечеству его, я, в 1853 году и принял Христианскую веру, и по священному обряду ее окрещен священником Кубанского Егерского полка Василием Ивановым» [19]. Далее Келеметов, в крещении названный Ильей Васильевичем, сообщал, что женат на Александре Ивановне Аракчеевой, дочери

пятигорского купца 3-й гильдии, и просил разрешения о причислении его с потомством к казачьему сословию с переименованием в соответствующий казачий чин [19].

Выходцами из Черекского ущелья являлись еще два известных нам балкарских князя-неофита – Шабаз-Гирей Темирканов и Абай Шаханов.

В мае 1869 г. начальник Кабардинского округа получил сообщение о том, что «житель вверенного Вам округа Сабазгирей Темирканов, имеющий от роду 14 лет, изъявил желание принять Православную веру и остаться на всегдашнее жительство в г. Владикавказ» [20; 1, 10б]. К сожалению, сведений о том, как сложилась дальнейшая судьба князя Ш-Г. Темирканова, нам выявить не удалось.

В том же году на медицинское отделение Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии поступил Абай Шаулухович Шаханов [21; 123]. В период обучения он познакомился с русской девушкой Елизаветой Павловной Матвеевой. Для того чтобы жениться на ней, А. Шаханову пришлось креститься и воспринять новое имя – Александр Дмитриевич. Этот его поступок был враждебно воспринят на родине, вследствие чего его дальнейшая жизнь проходила в основном далеко за пределами родного края [22; 216, 217]. У Александра (Абая) Шаханова были дети – Борис и Лидия. Борис позднее был широко известен на всем Кавказе в качестве общественно-политического деятеля первой четверти XX в. [23; 103]. При этом в 1909 г. он официально принял ислам, получив новое имя Басият [22; 198]. Лидия Александровна вышла замуж за балкарского князя-мусульманина Исмаила Абаева [22; 218].

В Хуламском обществе Балкарии в описываемый период христианскую религию исповедовал представитель княжеского рода Шакмановых – Умар Муртазалиевич, в крещении Симеон (Самсон). В составленном в 1856 г. послужном

списке прапорщика Шакманова отмечалось: «...Таубий из Хуламского племени. Вероисповедания православного». При этом далее в списке сообщалось: «...Женат на девице Налмаз, у них дети, сыновья: Таусултан – 18, Мембулат – 10, дочери: Алтын – 20 и Кудас – 9 лет» [24; 1-3]. Можно отметить, что из того же списка следует, что как жена, так и дети князя Шакманова являлись мусульманами.

В Урусбиевском обществе Балкарии в православие перешло два князя из правящего дома. Одним из них был таубий Адиль-Гирей Чепелевич Урусбиев (в крещении Александр). В отличие от многих других карачаево-балкарцев его выбор был обусловлен не учебой, гражданской или военной службой, а семейными обстоятельствами. Еще в детстве Адиль-Гирей по обычаю аталычества воспитывался в православной семье Дадешкелиани – правителей соседнего грузинского (сванского) княжества. Поэтому уже в ранние годы он был знаком с основами христианской веры [22; 318]. Затем, в зрелом возрасте, А.Г. Урусбиев вступил в брак с представительницей рода Дадешкелиани. Известный грузинский этнограф Б. Нижерадзе по этому поводу писал: «Княгиня Солдат-хан вышла замуж за Адильгерия Урусбиева в 1860 г. с условием, что он примет христианство» [25; 39]. Проживая в Баксанском ущелье, княжна Дадешкелиани пыталась проводить миссионерскую деятельность, правда, безуспешно. Как иронично отмечал Б. Нижерадзе: «Меня уверили в том, что княгиня не жалеет сил для того, чтобы обратить хоть одного мусульманина в христианство, но тщетно. С этой точки зрения сванка-христианка зря тратит свое время. Среди таких фанатиков, как баксанцы, да и всех горцев-мусульман, не то что сванка, сам апостол Павел не смог бы ничего сделать» [26; 109].

Переход князя Урусбиева в христианство обострил его

взаимоотношения с соотечественниками. Так, в 1867 г. начальнику Терской области поступил рапорт, в котором сообщалось: «При освобождении зависимых сословий в Горских участках принадлежащий жителю Урусбиевского общества Таубию Адиль-Гирею Урусбиеву казак (крепостной крестьянин – авт.) Бекиз объявил, что он с женою и четырьмя детьми вольного происхождения из Сванетии, поступил он к теперешнему владельцу своему в приданое за женою – бывшею княжною Дадешкелиани, и будучи христианин находит неудобным жить между магометанами. При этом и сам владелец Адиль-Гирей Урусбиев, как христианин просит о разрешении ему переселиться со всем семейством своим в Сванетию» [27; 42]. В 1878 г. уже сам Адиль-Гирей и его супруга Солдат-хан (Варвара) обращались с прошением к кутаисскому генерал-губернатору о разрешении им переехать в Сванетию на постоянное жительство и о наделении их там земельным участком [27; 43]. Впрочем, эта просьба не была удовлетворена. При этом в посемейном списке Урусбиевского общества за 1886 г. и сам Адиль-Гирей, и его дети уже отмечены как мусульмане-сунниты [28; 2]. Более того, в протоколе от 29 сентября 1896 г., составленном помощником старшины Урусбиевского общества после допроса князя Урусбиева, отмечается следующее: «... Спрошенный Адильгирей Урусбиев показал, что он не знает, чтобы он когда-либо принимал православие, и со дня рождения своего исповедует магометанскую религию... Жена его есть дочь жителя селения Бичо Сванетскаго Приставства Лечхумскаго уезда Кутаисской губернии Князя Жансоха Дадешкелиани, имя которой Салдатхан. Он, Урусбиев, вступил с нею в брак 32 года тому назад, будучи в то время мальчиком 15 лет, по понуждению отца своего Чопело Урусбиева ныне умершаго; почему, по какому обряду или договору он, Адельгирей, женился, сам не знает

и не помнит, заявив, что это должно быть известно только самым князьям Дадешкелиани, так как отец его и бывшие товарищи с ним в Сванетии при женитьбе на Дашкелиановой, все умерли, и никого из них в настоящее время в живых нет» [29; 27-28].

Другим представителем рода князей Урусбиевых, исповедовавшим православие, являлся полковник Асланбек Мырзакулович (в крещении Александр Александрович). А. Урусбиев в 1865 г. начал военную службу оруженосцем Лейб-Гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества Конвоя, расквартированного в Санкт-Петербурге [30; 220]. Исследователь Т.Ш. Биттирова предполагает, что его переход в православие связан с женитьбой на христианке Клавдии Матвеевне [22; 14]. После выхода в отставку полковник Урусбиев поселился не в родном для него Баксанском ущелье, а в г. Владикавказ [31; 2]. У Александра Александровича и Клавдии Матвеевны было двое сыновей: Сергей и Измаил, которые исповедовали православие и, как и их отец, стали офицерами и служили в российской армии [32; 188].

По имеющимся в нашем распоряжении данным, в описываемый период отмечались случаи смены религиозных предпочтений и в Карачае. Как и в Балкарии, немалый процент из них составляли представители аристократии, что также было в основном связано с учебой, государственной службой и брачными предпочтениями. Так, известно, что первый российский генерал из числа карачаевцев – Айтек Асланбекович Крым-Шамхалов, ставший профессиональным военным после завершения обучения в 3-м военном Александровском училище, принял православие в 1883 г. После обряда крещения он стал именоваться Константином Львовичем [33; 125, 126]. Константин Крым-Шамхалов был дважды женат. Первой его супругой являлась дочь инженер-капитана

Евгения Ивановна Гофштетер, от которой у него родился сын Дмитрий, также ставший впоследствии офицером [34; 182]. Сведения о другом браке присутствуют в Метрической книге Владикавказской Духовной Консисории, полковой Св. Алексеевской церкви Владикавказского Кадетского корпуса, в которой 26 сентября 1907 г. имеется запись: «Ротный командир Владикавказского кадетского корпуса полковник Константин Львович Крым-Шамхалов» сочетался «вторым браком с вдовой коллежского секретаря, потомственной дворянкой Воронежской губернии Ниной Дмитриевной Колесниковой, православной...» [35; 25об-26].

Родной брат Константина Львовича – Ачахмат, получив среднее образование в Ставропольской гимназии, направился для продолжения учебы в Санкт-Петербург в 1874 г. После окончания обучения он начал работу в системе лесничества, а в 1890 г. переведен на службу в Закавказье. Здесь он вступил в брак с христианкой Антониной Ивановой, который не был признан церковью. Вследствие этого пятеро детей Ачахмата и Антонины считались незаконнорожденными, что во многом вынудило Крым-Шамхалова к переходу в православие. (В крещении – Александр Львович) [36; 16-18].

Христиане-неофиты имелись в XIX столетии и в другой карачаевской княжеской фамилии – Дудовых. Представителем этого рода, принявшим православие, стал Кючюк Дудов. Имеются сведения о том, что его супруга жаловалась властям на действия свёкра Азамат-Гирея, принуждавшего как её, так и «сына своего принявшего христианство» принять ислам [37; 24].

В то же время на случаи религиозной конверсии в карачаевской среде во второй трети XIX в. определенное влияние оказывали непосредственное соседство с русскими населенными пунктами и деятельность «Общества по восстановлению

православного христианства на Кавказе», начавшего функционировать в 1860 г. Усилиями Ставропольской епархии и данного общества на базе сохранившихся к тому времени средневековых христианских храмов, начиная с 1880-х гг., стали создаваться монастыри, насельники которых пытались проводить среди окрестного карачаевского населения активную миссионерскую работу. В частности, нам известен случай крещения при личном содействии Епископа Ставропольского и Екатеринодарского Владимира одного «молодого карачаевца», который получил имя Иоанн и был оставлен при «архиерейском домохозяйстве» [38; 987-988], и некоторых других лиц (Даут Халкечев [39; 336], Александр Темирболатов [40; 168]), вследствие различных обстоятельств перешедших в православие.

Некоторое представление о численности карачаево-балкарских христиан-неофитов к концу XIX столетия дают результаты первой всеобщей переписи населения 1897 г. Так, в Кубанской области общая численность лиц, вошедших в категорию «родной язык – карачаевский», насчитывала 26877 человек (12660 мужчин и 14217 женщин) [41; 67]. Из них 131 мужчина и 4 женщины были отнесены к категории «Православные и единоверцы» [41; 64], что составляет около 0,5%. При этом, учитывая методику подсчета (в основе лежал родной язык, а не национальность), можно предположить, что часть из данного контингента была не этническими карачаевцами, а лицами другой национальности (особенно абхазами и грузинами), выросшими в Карачае и находившимися там на момент переписи. Тем не менее, приведенная выше пропорция мужчин и женщин дает основание предполагать, что основной контингент новообращенных составляли карачаевские мужчины, женатые на православных женщинах и проживавшие в славянских населенных пунктах. Что касается

балкарцев, то здесь подсчет количества христиан, по данным переписи 1897 г., весьма затруднен. Дело в том, что учет велся по категории «родной язык – татарский». В итоге в неё попадали как этнические балкарцы, так и казанские, крымские татары, караимы и др. Тем не менее, согласно таблице «Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку», в Нальчикском округе тех, кого отнесли к категории «родной язык – татарский», насчитывалось 23112 человек (11846 мужчин и 11266 женщин), а в слободе Нальчик – 72 (56 мужчин и 16 женщин) [42; 74-75]. Православных и единоверцев среди них было 1 (мужчина) и 9 (3 мужчин и 6 женщин) соответственно [42; 74-75]. Понятно, что подавляющее большинство из категории «родной язык – татарский» представляли собой этнические балкарцы. Но вот какой процент из них составляли те, кто указал на православное вероисповедание, сказать практически невозможно. В любом случае процент новообращенных в Нальчике и Нальчикском округе был невелик.

Таким образом, рассмотренные нами случаи религиозной конверсии в карачаево-балкарской среде в XIX в. были обусловлены главным образом вхождением региона в состав

Российской империи. Одна часть неофитов приняла христианство под влиянием миссионерской деятельности, поощрявшейся имперскими властями, другая – вступая в браки с представителями православной конфессии и/или рассчитывая на определенные преференции на военной и гражданской службе. Численность христиан-неофитов в карачаево-балкарской среде оказалась невелика. Собственно, в Карачае и Балкарии они не смогли создать сколько-нибудь устойчивые группы, способные к трансляции христианской веры и связанных с ней традиций последующим поколениям и вовлечению новых adeptов. Зачастую, это были не столько отдельные группы или семьи, сколько отдельные личности. При этом даже в семьях новообращенных имели место случаи отказа от православия и возвращения в ислам либо принятия мусульманства детьми в зрелом возрасте. Позиции ислама в Карачае и Балкарии в рассматриваемый период оказались достаточно прочными, а отношение к христианам-неофитам из одноплеменников весьма негативным. Это обусловило то, что большинство новообращенных, даже из аристократической среды, проживали за пределами своих родных селений и даже этнической родины.

Примечания:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / под ред. А.Д. Берже. Т. VI, ч. 1. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказского, 1874. 941 с.
2. Баразбиев М.И. Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник ИГИ КБР и КВНЦ РАН. Нальчик: Эль-Фа, 2005. Вып. II. С. 126-140.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 348. Оп. 1. Д. 8.
4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 3. Д. 22.
5. Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – начале XX веков. Владикавказ: Перо&Кисть, 2014. 416 с.
6. Национальный центр рукописей Грузии имени К. Кекелидзе. Ф. Е.Г. Вейденбаум. Д. 1657.
7. Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (УЦГА АС КБР). Ф. 31. Оп. 1. Д. 3.
8. УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 14.
9. Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVIII – начала XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 418 с.

10. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 746. Т. 1.
11. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 407 с.
12. УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 200. Т. 3.
13. Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1844.
14. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1424. Л. 5об.
15. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 140.
16. Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск: КЧМЗ, 2002. 179 с.
17. Батчаев Ш.М. Меж двух империй: заметки о жизни и деятельности Эдигея Джаубермезова (Эндрю Скайрвинга Хэя). URL: <http://ilmu.su> (дата обращения: 7.07.2020).
18. Баразбиев М.И. Карачаево-балкарские аристократы – ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя // «Нам Богом и Царем дарованная честь...». К 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя: материалы VII Международных Дворянских чтений. Краснодар: Кубань-кино, 2011. С. 59-71.
19. Брацун (Бакаев) Е.В. Из прошлого карачаево-балкарского народа. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/496184/> (дата обращения: 05.07.2020).
20. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1037.
21. Сафарян С.Н. Султан-Бек Абаев. Нальчик: Эльбрус, 1988. 156 с.
22. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. Нальчик: Эльбрус, 2007. 408 с.
23. Идрисов Ю.М. Дагестанская интеллигенция в трех российских революциях начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. 162 с.
24. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1732.
25. Азаматов К.Г., Хутуев Х.И. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик: Эльбрус, 1980. 132 с.
26. Бегеулов Р.М. Отрывки из историко-этнографических писем Б.Ш. Ниждардзе // Известия Карачаевского НИИ им. А.И. Батчаева. Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2017. Вып. 13. С. 104-115.
27. Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.
28. УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 33.
29. Там же. Ф. 11. Оп. 24. Д. 821.
30. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917: возвращение из забвения... Нальчик: Эльбрус, 1999. 464 с.
31. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 264.
32. Саблиров М.З. Александр Урусбиев – полковник российской армии // Литературная Кабардино-Балкария. 2002. № 5. С. 186-193.
33. Каракетов М.Д. От вооруженных столкновений до брачных связей // Диаспоры. Независимый журнал. Москва, 2004. № 4. С. 105-136.
34. Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России. Москва, 2005. 238 с.
35. ЦГА РСФСР-А. Ф. 296. Оп. 1. Д. 8.
36. Батчаев Ш.М. Ачакмат Крым-Шамхалов – первый лесничий Карачая // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: материалы межрегион. конф. с междунар. участием. Черкесск-Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 15-20.
37. ГАКК. Ф. 454. Оп. 4. Д. 116. (Документ любезно предоставлен Ш.М. Батчаевым).
38. Священные достопримечательности по рр. Теберде, Кубани и Большому Зеленчуку (Из дневника Преосвященного Владимира, Епископа Ставропольского и Екатеринодарского, веденного Его Преосвященством при обозрении епархии в

1886 г.). (Окончание) // Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 16 декабря 1888. № 24. С. 983-994.

39. Известия // Кавказские епархиальные ведомости. Ставрополь, 19 мая 1883. № 10. С. 336-337.

40. Батчаева М.К. Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополья и Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009. 220 с.

41. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под. ред. Н.А. Тройницкого. 1-89 LXV Кубанская область. Санкт-Петербург: Изд. центр стат. ком. м-ва вн. дел, 1905. 263 с.

42. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под. ред. Н.А. Тройницкого. LXVIII. Терская область. Санкт-Петербург: Изд. центр стат. ком. м-ва вн. дел, 1905. 236 с.

References:

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (АКАК) / ed. by A.D. Berge. Vol. VI, Part 1. Tiflis: Typography of the head office of the Governor of the Caucasus, 1874. 941 pp.

2. Barazbiev M.I. Karachay and Balkaria in the Caucasian War // Historical Bulletin of the IGI KBR and KBNTs RAS. Nalchik: El-Fa, 2005. Vol. II. P. 126-140.

3. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 348. Op.1. D.8.

4. Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RSO-A). F. 12. Op. 3. D. 22.

5. Marzoev I.T. Privileged classes in the Caucasus in the 18th – early 20th centuries. Vladikavkaz: Pero & Kist, 2014. 416 pp.

6. National Center of Manuscripts of Georgia named after K. Kekelidze. F. E.G. Weidenbaum. D. 1657.

7. Administration of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (UTsGA AS KBR). F. 31. Op. 1. D.3.

8. UTsGA AS KBR. F. 9. Op. 1. D. 14.

9. Muratova E.G. Socio-political history of Balkaria in the 18th – early 20th centuries. Nalchik: El-Fa, 2007. 418 pp.

10. UTsGA AS KBR. F. 2. Op. 1. D. 746. Vol. 1.

11. Kazakov A.V. Adyghe (Circassians) in the Russian military service. Commanders and officers. Mid 16th – early 20th century. Nalchik: El-Fa, 2006. 407 pp.

12. UTsGA AS KBR. F. 3. Op. 1. D. 200. Vol. 3.

13. Ibid. F. 16. Op. 1. D. 1844.

14. Ibid. F. 2. Op. 1. D. 1424. L. 5 ob.

15. Ibid. F. 3. Op. 1. D. 140.

16. Begeulov R.M. Karachay in the Caucasian War of the 19th century. Cherkessk: KChMZ, 2002. 179 pp.

17. Batchaev Sh.M. Between Two Empires: Notes on the Life and Work of Edigey Jaubermezov (Andrew Skyrving Hay). URL: <http://ilmu.su> (date of access: 07.07. 2020).

18. Barazbiev M.I. Karachay-Balkar aristocrats – veterans Of His Imperial Majesty's own Convoy // "We are honored by God and Tsar ...". To the 200th Anniversary of His Imperial Majesty's Own Convoy: Materials of the VII International Noble Readings. Krasnodar: Kuban-cinema, 2011. P. 59-71.

19. Bratsun (Bakaev) E.V. From the past of the Karachay-Balkar people. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/496184/> (date of access: 05.07.2020).

20. UTsGA AS KBR. F. 2. Op. 1. D. 1037.

21. Safaryan S.N. Sultan-Bek Abaev. Nalchik: Elbrus, 1988. 156 pp.

22. Sketches about Balkaria: The Urusbievs, Misost Abaev, Basiyat Shakhanov / comp., art. about the authors, notes and commentaries by T.Sh. Bittirova. Nalchik: Elbrus, 2007. 408 pp.

23. Idrisov Yu.M. Dagestan intelligentsia in three Russian revolutions of the early 20th century: Diss. for the Cand. of History degree. Makhachkala, 2007. 162 pp.
24. UTsGA AS KBR. F. 16. Op. 1. D. 1732.
25. Azamatov K.G., Khutuev Kh.I. Misost Abaev: socio-political views. Nalchik: Elbrus, 1980. 132 pp.
26. Begeulov R.M. Excerpts from the historical and ethnographic letters of B.Sh. Nizharadze // News of the Karachay Research Institute named after A.I. Batchaev. Cherkessk: Alan Hermitage, 2017. Vol. 13, P. 104-115.
27. Barazbiev M.I. Ethnocultural relations of Balkars and Karachays with the peoples of the Caucasus in the 18th – early 20th centuries. Nalchik: Elbrus, 2000. 112 pp.
28. UTsGA AS KBR. F. 9. Op. 1. D. 33.
29. Ibid. F. 11. Op. 24. D. 821.
30. Opryshko O.L. Caucasian Cavalry Division. 1914-1917: return from oblivion ... Nalchik: Elbrus, 1999. 464 pp.
31. UTsGA AS KBR. F. 6. Op. 1. D. 264.
32. Sablirov M.Z. Alexander Urusbiev: the colonel of the Russian Army // Literary Kabardino-Balkaria. 2002. No. 5. P. 186-193.
33. Karaketov M.D. From armed conflicts to marriage relations // Diasporas. Independent Magazine. Moscow, 2004. No. 4. P. 105-136.
34. Batchaev Sh.M. Karachays in the wars of Russia. Moscow, 2005. 238 pp.
35. TsGA RSO-A. F. 296. Op. 1. D.8.
36. Batchaev Sh.M. Achakhmat Krym-Shamkhalov – the first forester of Karachay // Socio-cultural and historical community of Karachay-Cherkessia and Kabardino-Balkaria: traditions, modernity, development prospects: materials of the interregion conf. with international participation. Cherkessk-Karachayevsk: KChGU, 2019. P. 15-20.
37. GAKK. F. 454. Op. 4. D. 116. (The document was kindly provided by Sh.M. Batchaev).
38. Sacred sights along the rivers Teberda, Kuban and Bolshoy Zelenchuk (From the diary of His Grace Vladimir, Bishop of Stavropol and Yekaterinodar, kept by His Grace while reviewing the diocese in 1886). (The End) // Stavropol Diocesan Gazette. Stavropol, December 16, 1888. No. 24. P. 983-994.
39. Izvestiya // Caucasian Diocesan Bulletin. Stavropol, May 19, 1883. No. 10. P. 336-337.
40. Batchaeva M.K. The activities of the Russian “Society for the Guardians of Prisons” in the second half of the 19th – early 20th centuries: based on the materials of Stavropol and Kuban: Diss. for the Cand. of History degree. Stavropol, 2009. 220 pp.
41. The first General census of the population of the Russian Empire in 1897 / ed. by N.A. Troinitsky. 1-89 LXV Kuban area. St. Petersburg: Publishing house of the Central Stat. Com. of the Ministry of Foreign Affairs, 1905. 263 pp.
42. The first General census of the population of the Russian Empire in 1897 / ed. by N.A. Troinitsky. LXVIII. Terek area. St. Petersburg: Publishing house of the Central Stat. Com. of the Ministry of Foreign Affairs, 1905. 236 pp.